ЮЗЕФ ИГНАЦИЙ КРАШЕВСКИЙ

МАГИСТР ТВАРДОВСКИЙ

Юзеф Игнаций Крашевский
Магистр Твардовский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35256040
Магистр Твардовский: ООО «Остеон-Групп»; Ногинск; 2018
ISBN 978-5-00064-276-4

Аннотация

Великолепный мистический роман о похождениях излюбленного польского народного героя – пана Твардовского, чародея и чернокнижника, заключившего договор с самим Сатаною и в силу этого повторившего до некоторой степени судьбу немецкого доктора Фауста.

Содержание

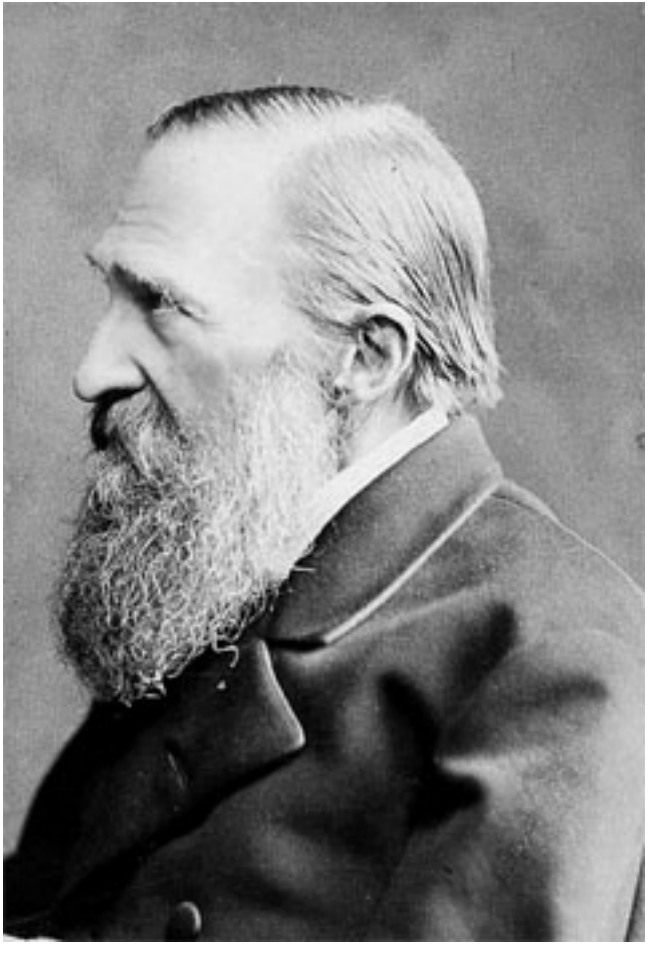
Об авторе 5
Часть первая 8
I. О том, каким образом на отца Твардовского напали разбойники, и что из этого вышло 8
II. О том, что Твардовский нашел у себя дома 15
III. О том, как вырос Твардовский и как он ходил в ад за отцовским договором 19
IV. О том, каким образом Твардовский пришел в ад и что он там увидел 27
V. О том, каким образом Твардовский сделался славным ученым 33
VI. О диспуте Твардовского с сатаною 39
VII. О Матюше-сиротке 44
VIII. О том, каким образом Твардовский решился продать себя дьяволу и что происходило в его душе 50
IX. О том, как написан был договор 63
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Юзеф Игнацы Крашевский
Магистр Твардовский

© ООО «Остеон-Групп», 2018

* * *

Об авторе



Ю.И.Крашевский (1812-1887)

Юзеф Игнацы Крашевски (Józef Ignacy Kraszewski, 1812-1887) – польский писатель, публицист, издатель, автор книг по истории и этнографии. Член Академии знаний в Кракове (1872). Отличался необычайной плодовитостью – литературное наследие составляет около 600 томов романов и повестей, поэтических и драматических произведений, а также работ по истории, этнографии, фольклористике, путевых очерков, публицистических и литературно-критических статей. Основатель и редактор виленского журнала «Атенеум» (1841-51). С 1853 года обосновался в Житомире. Состоял действительным членом Виленской археологической комиссии. В 1858 года путешествовал по Италии, Франции, Германии. С 1860 года обосновался в Варшаве, откуда в 1863 по распоряжению властей вынужден был выехать. Жил в Дрездене. Вёл разведывательную деятельность в пользу Франции против Пруссии, за что был арестован в 1883 году в Берлине. После суда в Лейпциге (1884) отбыл полтора года заключения в Магдебурге. После освобождения выехал в Швейцарию, где провёл последние годы жизни. Похоронен в Кракове в крипте заслуженных в церкви святого Станислава. В 1876–1887 годах написал 29 романов в 76 томах, образующих беллетризованную историю Польши, начиная с древнейших времён («Старое предание», 1876). Интерес к исторической проблематике характерен и

для раннего периода творчества Крашевского (1830–1840-е годы). Однако первые произведения на историческую тему («Костёл св. Михаила в Вильне», «Времена Сигизмунда») по мнению современников были слабы, так как изначально писатель отрицал вальтер-скоттовскую традицию истории «по-домашнему», из-за чего его ранняя историческая проза насыщалась излишней протокольностью, скрупулёзностью и ненужной точностью. Из произведений на историческую тему популярностью и художественными достоинствами выделяются написанные на саксонском материале «Графиня Козель» (1874) и «Брюль» (1875). Некоторые из художественных текстов Крашевского стали источником вдохновения для русских писателей. Например, по мнению учёных, под впечатлением «Ульяны» была написана пьеса А. Ф. Писемского «Горькая судьбина». Известен факт переписки польского писателя с Н. В. Кукольником. Последний ценил художественный вкус Крашевского и отправлял ему свои произведения на рецензию. В 1879 году И. С. Тургенев направил Крашевскому в Краков приветственное письмо по случаю юбилея 50-летия литературной деятельности польского писателя.

По материалам Википедии

Часть первая

I. О том, каким образом на отца Твардовского напали разбойники, и что из этого вышло

В одну из темных летних ночей, какие часто случаются в августе, ехал в окрестностях Подгоржа[1] шляхтич Твардовский. Собиралась гроза. Усталый конь, которому уже, видно, приелись острые шпоры всадника, шел шажком, выбирая тропинку поудобнее и, будто предчувствуя бурю, беспрестанно поднимал голову и посматривал на облака. Дорога шла в густой чаше и была вся изрезана глубокими колеями, которые размыли дожди, и потому можно вообразить, сколько было работы бедному коню, сколько страху бедному шляхтичу! Не было видно ни зги, и только по временам яркая молния, прорезывая черные тучи, освещала дорогу нашему путнику. Шляхтич тяжело вздохнул, да и как было не вздохнуть ему!.. Давно уже не был он дома, а там оставалась у него молодая женка, которую он любил больше всего на свете. Шляхтич был хотя и не трусливого десятка, но теперь

[1] Подгорж – предместье Кракова.

ему стало страшно… В другое время такая дорога была бы ему нипочем, но теперь, когда за седлом его висела добрая мошна денег, вырученных им от продажи наследства от дяди, теперь он не хотел бы повстречаться с недобрым человеком. Как будто сочувствуя господину, и конь его то и дело фыркал, наостривал уши, останавливался и дрожал всем телом. Страшно стало шляхтичу, – и вот, в одну из тех минут, когда он понукал коня с большим ожесточением, а конь не слушался и упирался ногами в землю, блеснула молния и озарила ужасные лица нескольких разбойников.

– Стой!

И вслед за этим зловещим криком заблестело несколько самопалов, а из ближнего кустарника выскочили трое разбойников. Испуганный конь попятился назад и бросился было в чащу, но один из разбойников поймал его за поводья. В первые минуты страха шляхтич схватился было за саблю, но три направленные прямо на него дула тотчас же показали ему, сколько неблагоразумным было бы с его стороны сопротивление. Руки опустились у бедного шляхтича, и он закричал в отчаянии:

– Спасите меня, если тут есть чья-нибудь живая душа! Спаси меня хоть сам дьявол!

Не успел еще он выговорить слов этих, не успели еще разбойники выстрелить, как вдруг над ними раздался чей-то страшный голос, который так смешал их, что они стали как вкопанные и забыли о шляхтиче. Раздался лошадиный то-

пот, и скоро на дороге показалось несколько всадников, впереди которых ехал один, огромного роста и на черном коне. Увидев их, разбойники бросились в кусты, а конь Твардовского пустился улепетывать со всех ног.

Между тем ночь становилась все темнее, пасмурнее; ветер дул порывистее, а яркие молнии то и дело блистали над головой шляхтича. Со свежею мыслью об опасности, от которой ему только что удалось избавиться, с холодным потом на челе, он уже миновал чащу и тут только успел перевести дух, поблагодарить Господа Бога за избавление от напасти и дать немножко отдохнуть своей кляче. Не успел он отъехать еще несколько шагов, как за ним снова послышался конский топот; он огляделся с беспокойством и увидел позади себя своего черного освободителя. В это время блеснула молния и осветила бледное лицо незнакомца. Твардовскому показалось, что он где-то видел его. Припомнил он, что точно такое лицо изображено в Краковском костеле Девы Марии на образе святого Михаила Архангела, поражающего сатану. При этой мысли волосы стали дыбом на голове его; хотел перекреститься – руки как будто приросли к телу!.. Не смел обернуться в другой раз и только пришпорил свою бедную клячу.

Между тем буря разразилась проливным дождем. Гром гремел беспрерывно. Удары его раздавались в воздухе то протяжно и медленно, то, отбитые эхом в горах, громко и отрывисто. Казалось, небо готово было лопнуть и разорваться на части; молния бороздила его во всех направлениях.

Освещенная их блеском, природа принимала какой-то дивный фантастический вид. Ливень хлестал в лицо бедному путнику целыми пригоршнями воды, ветер пробирал его насквозь. Можно вообразить себе весь ужас Твардовского, когда, несмотря на шум бури и свист ветра, он услышал за собою слова незнакомца, произнесенные с каким-то диким смехом:

– Добрый вечер, приятель! Так-то ты бежишь от меня, даже не поблагодарив за службу!

– Добрый вам вечер, – пробормотал шляхтич (зубы его стучали, как в лихорадке). – Когда же мне было вас благодарить в лесу, а теперь – скорее бы добраться куда-нибудь да приютиться от бури.

– О, на этот счет не беспокойся; до корчмы еще далеко, а от разбойников ты теперь безопасен… Поезжай-ка, приятель, потише; мне надобно с тобой кое о чем поговорить.

Волей или неволей, а надобно было послушаться своего страшного избавителя. Мысль, что этот избавитель может быть для него гораздо опаснее, чем разбойники, ужасала его и отнимала последние силы. Он сдержал клячу.

– Ну, ты звал меня, и я явился на твой призыв, – начал черный.

– Я?.. – спросил заикаясь шляхтич. – Я?..

– Да, ты, – продолжал его товарищ с прежним ужасным смехом. – Припомни-ка, разве ты не звал кого-то на помощь, разве не сказал: «Спаси меня хоть сам дьявол?»

– Да кто же ты?..

– Тот, кого ты кликал, – хладнокровно отвечал черный, – я дьявол!

Странная дрожь проняла Твардовского; капли холодного пота выступили на лбу. Напрасно хотел он поднять руку, чтобы перекреститься, напрасно хотел повернуть язык, чтобы произнести молитву, – и руки его как будто приросли к телу, и язык словно прирос во рту, как будто на них налегли пудовые гири.

– Ну, что ж молчишь? Или ты мне не рад? Ведь если б не я, пропасть бы и тебе, и твоим деньгам; а что бы тогда сталось с женою? Ну, да мне немного надобно, очень немного! Денег мне не надобно, а душу твою стерегут молитвы жены и твои милостыни.

– Так чего ты хочешь, чего?.. Говори скорее! – продолжал ободренный немного Твардовский.

– Не торопись. Ведь ночь еще длинна, а у меня нет никакой работы.

Тяжко вздохнул шляхтич, да что ж было делать с дьяволом, надо было слушаться. Они ехали шагом. Сивая кляча то и дело вздрагивала под бедным шляхтичем.

– Бери, дьявол, что хочешь, только отпусти меня поскорее! – сказал наконец Твардовский.

– Не спеши! К чему спешить… Корчма далеко – успеем еще; достанет времени.

– Да чего ж ты хочешь от меня?

– Об этом-то я и думаю теперь, – отвечал черный.

Час от часу не легче Твардовскому… На сердце его налегла какая-то тяжесть, страх так оковал его, что он не чуял ничего: ни грома, который страшно грохотал над его головою, ни молнии, ни проливного дождя.

– Не бойся, я не разорю тебя своей просьбой, – сказал, наконец, сатана со смехом, – вот, изволишь видеть, отдай мне то, что застанешь у себя дома, о чем не гадал, не думал, на что не рассчитывал. Отдай мне это, так и сам не разоришься, да и меня не введешь в убыток.

– Что ж это такое?

– А я почем знаю? – отвечал дьявол. – Это откроется после; мне ведь не надо многого…

– Ну, согласен! – сказал Твардовский после минутного размышления. – Восемь месяцев, как я выехал из дома; что бы там могло быть нового?..

– Согласен? – повторил с радостью сатана. – В самом деле, согласен?.. Ну, слово?..

– Verbum.

– Verbum nobile debet esse stabile, – досказал дьявол и с этими словами сдержал клячу Твардовского, велел ему остановиться и указал место под развесистым дубом, который стоял при дороге.

Между тем буря все усиливалась; дождь лил сильнее.

Когда они стали под дубом, черный конь дьявола исчез под ним, и он очутился на земле, принялся вынимать из кар-

мана разные вещи, в числе которых Твардовский с ужасом увидел огарок свечки, сделанный из человечьего жира, длинный лист пергамента и перо. Все это было делом одной минуты. Бедный шляхтич сидел на лошади и с трепетом смотрел на эти приготовления. Дьявол потер свечу об ногу и зажег ее, потом сел под деревом и, положив пергамент на колено, принялся писать на нем договор. Через минуту он подал его шляхтичу. При бледном свете огарка Твардовский пробежал акт, написанный по всем правилам, и взялся было за перо для того, чтоб подписать его, как вдруг почувствовал, что кто-то уколол его в левую руку… Это был сатана. Искуситель обмакнул перо в свежей крови и подал его Твардовскому. Бедный Твардовский беспрекословно исполнил его желание и подписал акт.

Какая-то тоска овладела им; он даже ни разу не взглянул на дьявола, повернул лошадь и погнал ее во всю прыть. Среди бури и ударов грома ему слышались чьи-то слова, чей-то пронзительный хохот раздавался за ним… Он не мог себе объяснить этого страшного смеха, этих ужасных слов. То не был крик ночной птицы, ни свист ветра; что-то говорило Твардовскому, что не так кричит сова, не так свистит ветер. С такими грустными мыслями подъезжал он к дому.

II. О том, что Твардовский нашел у себя дома

Еще издали показался домик шляхтича, забелелась труба, зачернелось свитое на ней гнездо аиста. Скоро заблестел и домашний пруд, по которому безмятежно плавали гуси и утки. Сердце Твардовского билось сильно; чем ближе подъезжал он к дому, тем более становился грустным и скучным. О, как хотелось ему поспеть туда поскорее! Если б было можно, он готов был бы перескочить туда… Что-то жена его? Здорова ли она? Как-то у него в доме?.. Тысячи подобных мыслей теснились в голове его; он задавал себе тысячу подобных вопросов и между тем понукал измученную лошаденку, и молился, и плакал вместе… Восемь месяцев минуло с того времени, как он оставил дом.

Он всматривался, приглядывался вдаль, не увидит ли чего-нибудь, не встретит ли кого-нибудь, кто бы мог сказать ему что-нибудь о его жене, о домашних… Напрасно! На опустелой дороге все было так тихо, так спокойно; не видать на ней ни одной живой души. Нечего делать, надобно дожидаться приезда, а ему кажется, что он ввек не доедет, что кляча его хромает и едва передвигает ноги. Невыразимое беспокойство овладевало им все более и более; ему стало жарко и душно; пот лил с него градом, несмотря на то, что дневной жар ослаб и солнце клонилось к закату.

Вот наконец подъехал шляхтич к воротам; видит – они отворены настежь, а на дворе никого; на крыльце – никого. Лавочка, под липою, на которой, бывало, любила сиживать по вечерам его Ганна, пуста. Брови его морщатся, сжимается сердце; на глазах навертываются слезы… Торопится бедный шляхтич еще пуще; торопится и лошадка, почуяв домашнее стойло.

Вот он уже и у ворот дома, а все никто не выходит к нему, не встречает его. Теряясь в догадках, Твардовский соскакивает с лошади, вбегает в сени… Тут только скрипнула дверь, и из комнаты выбежала старая Магда.

– Тише, тише, пане, – шептала она, прикладывая палец к губам в знак молчания. – Пани в постели; знаете ли, ведь Бог даровал вам сынка! Не входите к ней: радость убьет ее!

При этом известии Твардовский вспомнил о дьяволе; ему даже послышался адский его хохот… Он схватил себя за голову.

– Сына родила, говоришь ты?.. Сына?..

– Сына, вот уж с час, как я приняла его… Вы всегда желали сына – вот и дал Бог! Отслужить бы молебен Пречистой Деве!..

Шляхтич стоял как убитый. Спустя несколько минут, вздохнув тяжело, он вышел на крыльцо и велел между тем сказать жене о своем приезде. Изумленная такой неожиданной горестью, служанка не могла понять, что сталось с ее барином, отчего его так огорчила приятная новость. «Что с

ним сталось?.. – ворчала она, уходя в одну из боковых комнат, которой ставни были притворены с улицы. – Чем бы радоваться и благодарить Бога, он грустит и скучает! Это что-нибудь да значит!»

В это время Твардовский успел уже снять с лошади дорожный вьюк и отдать его парубку, который кланялся ему низко, поздравляя со счастливым приездом и новорожденным сыном. Грустный Твардовский даже не поблагодарил его за приветствие: он не слыхал ничего.

– Пришла к вам с доброй весточкой, милая пани, – говорила между тем Магда, садясь на постель родильницы, – говорил мне парубок из Ольшова, что видел нашего пана.

– Где, Магда, где? – вскричала Ганна, приподнимаясь.

– Тише, тише, пани; не радуйтесь слишком: поберегите себя. Парубок встретил его вчера на дороге, на обратном пути.

– Так он будет сегодня! Он, может быть, уже здесь! – продолжала хозяйка. – Беги, Магда, посмотри…

– Может быть, он уж и приехал!.. На дворе слышен лошадиный топот, – отвечала старуха.

– Поди же, Магда, встреть его, проводи ко мне. Приехал мой дорогой, вернулся! – И она села на постели, вся раскрасневшись, как маков цвет. Магдалина вышла.

На пороге услышал Твардовский в первый раз крик новорожденного дитяти… Он затрепетал при ужасной мысли об его участи и потом уже, подавив в себе страх, бросился к

кровати родильницы. Ганна плакала от радости. Отъезд мужа, беспокойство, какое причинило ей его долгое отсутствие, мысли об опасностях путешествия и собственные мучения – все это истомило ее; но теперь, когда она увидела перед собой любимого мужа, бледность на лице ее уступила место румянцу. В безмолвных объятиях и поцелуях высказали они друг другу всю радость. В эту минуту Твардовский забыл о сыне и о дьяволе, но потом, когда Ганна подала ему на руки ребенка и просила благословить его, грустный Твардовский вспомнил, что дитя его уже не принадлежит ему. Печальный вид мужа изумлял Ганну, но она не смела спросить о причине. Только тяжелый вздох вырвался из груди ее.

Спустя несколько дней Ганны не стало; грустный Твардовский остался один с сыном. Дом его опустел; широкий двор зарос травою, гумна развалились, прежнее хозяйство пошло не впрок. Твардовский не заботился ни о чем: ужасная мысль о продаже дьяволу сына преследовала его на каждом шагу.

III. О том, как вырос Твардовский и как он ходил в ад за отцовским договором

Дитя надо было крестить. Твардовский созвал в кумовья себе соседей и послал за ксендзом в Прошовицы. Но, видно, и дьявол не дремал, потому что кумовья приехали, а ксендза нигде не могли сыскать. Послали за другим, да и тот лежал больной в постели; послали за третьим – говорят, что его понесли и разбили в дороге лошади; за четвертым ксендзом поехал сам Твардовский (он уже подозревал в этих неудачах штуки дьявола), но также вернулся ни с чем. Этот ксендз ни за что на свете не решился ехать к Твардовскому, потому ли, что отказ трех его товарищей устрашал его, потому ли, что о ребенке ходили какие-то странные слухи, – неизвестно. Все эти препятствия не устрашили, однако, Твардовского. Он поехал в Краков, к пробощу[2] Флорианского костела и, объявив ему все дело, просил его помощи. Набожный старец колебался недолго; дал Твардовскому частицу св. мощей и велел привезти ребенка.

Повесив на шею ребенка святыню, Твардовский выбрался в дорогу. Огромную дедовскую коляску потащила четверка чахлых клячей. К вечеру того же дня думал он быть в Кра-

---

[2] Пробощ – то же почти, что у нас благочинный.

кове, но, на беду, поднялась такая буря, что он принужден был остановиться в корчме и ждать в ней погоды.

Не успели насыпать лошадям сечки, как небо прояснилось и шляхтич принужден был выехать снова. Едва тронулись – и опять все небо заволокло тучами, опять поднялась буря. Решился Твардовский доехать во что б ни стало. Укутав хорошенько дитя, велел он ехать далее. Два раза коляска опрокидывалась, два раза понесли Твардовского лошади и разбили бы насмерть, не будь с ним святых мощей; несколько раз блудили они и сворачивали с дороги, и наконец после бесчисленных бед и опасностей, добрались до Кракова. Этим, однако, не кончились бедствия. На другой день, когда мамка понесла ребенка в костел, напала на нее огромная собака и разорвала бы вместе с дитятею, если б та не догадалась перекреститься. Потом скакал за ней какой-то всадник, который чуть-чуть не задавил ее; после сама она едва не попала под колесо огромной коляски; наконец на самом пороге костельном поскользнулась и упала. К счастию, подле нее был Твардовский и успел подхватить дитя. Ребенка наконец кое-как окрестили. Твардовский приехал домой благополучно, но с той поры во всем стало ему несчастливиться. Дьявол беспрестанно наводил на него беды и напасти. Бури, ветры, град и засуха, дожди, пожары, воровства, скотский падеж – все это сменялось одно другим, и Твардовский сносил все без ропота.

Между тем дитя все росло и росло. Способности и понят-

ливость развивались в нем изумительно. Все дивились и завидовали счастливому отцу; один он только грустно смотрел на сына, брал его на колени, целовал и плакал над ним. Так прошло десять лет. Сметливый ребенок, замечая грусть и слезы отца, спрашивал его о причине, как будто предчувствуя ее в своей участи. Бедный отец, который чувствовал всю необходимость облегчить перед кем-нибудь свое горе, решился наконец открыть сыну горькую правду. Когда он кончил рассказ, ребенок весело соскочил с колен его и вскричал:

– Папенька! Послушай: я… пойду сам в ад и возьму назад договор твой!

Ребенок рос с этой мыслью; он беспрестанно напоминал о ней отцу, утешал его и молился Пречистой Деве, прося у нее помощи. Скоро отец отдал его в школу «Всех Святых», в Кракове. Молодой Твардовский учился прилежно и удивлял всех наставников своими способностями. Предпринятое им твердое намерение вырвать из когтей дьявола отцовскую запись побудило его изучать священное писание. Целые дни и ночи проводил он в молитве, в размышлении и в чтении набожных книг. Он молил Бога дать ему силы, помочь ему в намерении, которое отныне слилось с его существованием. Так прошло еще пять лет, и тогда только он почувствовал, что время действовать наступило.

В то время звонарем в костеле Всех Святых был один набожный старичок, маленький, худой и горбатый. Никто не

знал, сколько ему было лет, да и сам он позабыл им счет. Звали его Домиником. Всякий, кому была известна праведная жизнь старца, чтил его; все прибегали к нему с просьбами и за советами. Говорили, что ему не раз представлялись видения, что даже сам он творил чудеса. К нему-то и решился прибегнуть молодой Твардовский. Встретил он его однажды на кладбище, у церковной паперти. Старичок стоял на коленях и пел литанию Пречистой Деве. Седая борода его покрывала иссохшую грудь; а от лысой, как луч, головы, казалось, отражалось сияние. Не смея прервать его молитвы, Твардовский подошел к нему только тогда, когда тот встал, опираясь на посох, поцеловал его руку и тут уже просил о помощи.

– Отец мой! – так начал он. – Отовсюду слышу я о святой жизни твоей и о спасительных советах твоих. Помоги мне, неминуемая беда ждет меня.

– Чем могу помочь тебе, сын мой? Какого совета требуешь ты от меня? – спросил его старец, тихо опускаясь на камень.

– Вот в чем дело, – продолжал Твардовский. – Пятнадцать лет тому назад спас дьявол отца моего от разбойников и взял с него за то обещание отдать ему то, что найдет в доме и о чем не гадал, не думал. В эту-то минуту родился я, и обо мне-то заключал сатана ужасный торг свой. Много противопоставлял он препятствий, когда отец хотел крестить меня; но Богу было угодно помочь отцу, и пробощ Флорианского костела крестил меня. Пришел я теперь просить твоей помо-

щи, праведный отче: помоги мне сходить в ад и взять оттуда отцовскую запись!..

Призадумался святой старец. Долго размышлял он, долго вздыхал, пока наконец не собрался с силами:

– Надейся на Бога, сын мой; Ему единому все возможно. Старайся наперед очистить душу свою покаянием. Господь примет на себя все грехи твои… Возьми с собой святые мощи, кропильницу и святой воды: с ними только ты можешь безопасно войти в ад… Много искушений должен ты будешь перенести, прежде чем придешь туда. Крепись, сын мой!.. Причастившись Св. Тайн, выйдешь ты в поле, за Краков… Увидишь перед собою полевую мышь, которая и приведет тебя к воротам ада. Подходя к ним, начни петь святые псалмы и литании и кропить святой водою, и пой и кропи до тех пор, покамест не отдаст тебе дьявол записи… Дух Святый будет напутствовать тебе и предостерегать от искушения… Молись и бойся греха, сын мой!

Твардовский сделал все, что ему приказал старец. Исповедался, причастился, взял святой воды и вышел за город. Увидел серую мышь и пошел вслед за нею. Во всю дорогу он горячо молился и шел, опустив глаза… он боялся согрешить даже взглядом. Во всю дорогу он не встречал никого, и только к вечеру послышался ему сзади чей-то голос:

– Куда ты идешь, добрый молодец?

Оглянулся и видит: бежит за ним девушка. Такой красавицы он никогда не видывал. Ни одна из краковских панн, ко-

торые разъезжают в колясках, сверкающих золотом, не могли бы сравниться с нею. И эта девушка манила его к себе, звала таким голосом, таким голосом, что сердце у него готово было разорваться на части! Догадался наконец, что это дьявол искушает его, – закрыл глаза и начал молиться попрежнему.

– Постой, добрый молодец; постой, подожди меня! Я заблудилась, пойдем вместе! – кричала вслед ему красавица.

Твардовский не отвечал и молился еще усерднее. Но вдруг слышится ему, что она подбежала к нему, дергает его за платье, говорит ему над ухом: «Постой, добрый молодец, не оставляй меня одну; уж смеркается, а мне страшно идти одной, – пойдем вместе… ты пойдешь… не правда ли?..»

– Я иду в ад, – отвечал он, – если ты хочешь идти туда вместе со мною, то иди, пожалуй.

Девушка отскочила от него с громким смехом.

– В ад! Ты шутишь, верно, или сошел с ума!.. Ну, если так, посмотрю я, где этот ад… – И она побежала за ним. Она то отставала от него, то опережала его; она то смеялась над его безрассудством, то умоляла его остаться с нею; но Твардовский был глух ко всем просьбам, ко всем обольщениям. Солнце уже зашло, а они не встречали еще никакого жилья. Твардовский молился и шел за мышью. Истощив все просьбы и обольщения, девушка начала упрекать его, жаловаться на его равнодушие.

– Бесстыдник! Негодный! – говорила она ему. – Хорошо

ли это? Годится ли поступать так жестоко? Не сказать ни слова бедной девочке! Это бесчеловечно! Видишь, как я устала! Сядь со мной, отдохнем!

– Я поклялся перед Богом; и не нарушу клятвы.

– Ну, посмотрим, далеко ли зайдешь ты! – отвечала она ему со смехом.

Скоро они подошли к дремучему лесу. У опушки его стояла великолепная гостиница, откуда доходил до них соблазнительный запах яств. Дым выходил из белых труб; в окошках видно было множество народу. Спутница его остановилась в дверях и стала звать его.

– Пойдем, пойдем сюда; отдохнем здесь… Теперь ночь, а путь лежит дремучим лесом, пустыней, – говорила она. Но Твардовский молился и шел дальше, даже не взглянув на гостиницу. И вот снова посыпались на него упреки и жалобы.

– Бессовестный! Тиран! Мучитель!.. Увидишь, недалеко зайдешь! Тебя ограбят, убьют в лесу! Останься здесь лучше, – ночуй, а завтра чем свет в дорогу!..

Бедный юноша ничего не слушал и все шел. Страшно ему стало в лесу. Темно, холодно, а мышь все бежит перед ним; глаза ее блистают и светят, как два карбункула… Долго шел он, распевая кантаты Пресвятой Деве… Вдруг видит невдалеке от себя каких-то людей, которые грабят одного путешественника.

– Эй, хлопец, – крикнули они ему, – поди-ка к нам; помоги нам донести эти деньги до нашей пещеры, дадим тебе их за

это полную шапку. Стой, или смерть тебе!

Твардовский шел все далее. Голод и жажда стали мучить его. И вот встречаются ему на дороге, видно, потерянные кем-нибудь мешки с яствами; встречаются проезжие, которые приглашают его пообедать с ними; деревья с вкусными плодами протягивают к нему свои обремененные ветви. Твардовский крепится, молится и идет все далее.

Через несколько дней почувствовал он запах серы и смолы, земля сделалась вдруг горяча. Он вошел в черный густой лес, широкая дорога вела к нему. По ней шли и ехали тьма народу разного звания, пола и возраста; одни в великолепных каретах, другие на крестьянских возах. Народу было как муравьев в муравейнике. Твардовский заметил с ужасом, что у всех глаза были закрыты, что все шли как будто спящие и мертвые; один он похож был на живое существо. Мышь, за которою он шел, исчезла перед ним, и тут только он догадался, что находится на пути к вратам ада.

IV. О том, каким образом Твардовский пришел в ад и что он там увидел

Чем ближе подходил Твардовский к аду, тем усерднее молился. Толпы народа кругом него росли и росли, но он не обращал на них никакого внимания. В самом деле, странное зрелище представляла эта дорога! Множество боковых стежек сливалось с нею, и все они были полны народом. Тут ужасная картина раскрывалась во всей ее безобразной наготе. Шестиместные вызолоченные кареты богачей, запряженные грехами в образе страшных чудовищ, неслись во всю прыть. Вместо богатой сбруи на этих ужасных конях светились нанизанные ожерельем слезы, пот и кровь человеческие… Других тянуло огромное ненавистное чрево, в котором видны были целые растранжиренные деревни, замки и села, кучи золота, – утраченное счастье целых фамилий, попранные и уничтоженные добродетели….

Другие шли пьяные, шатаясь, за огромною бочкою, из которой прыскала водка, – и красные прищуренные глаза их обращались к ней с сыновнею любовью…

Шел там и какой-то тщедушный диалектик, схоластик и теолог, с фолиантом под мышкою, с Аристотелем в руке. Огромное перо, к которому он был привязан за шею, тащило

его за собою…

Перед другими катились по дороге червонцы и дукаты, и они бежали за ними все дальше и дальше…

Иных манила и увлекала черноокая красавица… Напрасно оглядывались они назад, – за ними уж не было видно их мирного домика, их безмятежной жизни, их золотого прошлого; напрасно колебались они, один взгляд обольстительницы увлекал их. Если они уставали, если колебались в нерешимости, – она, будто ненарочно, показывала им из-под одежды свое словно выточенное из слоновой кости тело: колено, грудь, дивную ногу, роскошные плечи, – и они забывали об усталости, кровь клокотала в них, и мозг кипел, и сердце рвалось на части – и они бежали, бежали, бежали…

Были и такие, которые смотрели на небо, а сами шли в ад.

Других вели за руки собственные их дети, воспитанники, слуги.

А иные поддерживали шлейфы своих госпож, подушки своих господ – и с ними шли в ад.

Шли воры, шли и крали дорогою все, что им ни попадалось на глаза, даже грехи из чужих карманов. Радовались они, что не видали по всей дороге ни одного палача, ни одной виселицы…

Шли, с песнями и пляскою, какие-то женщины. Волосы у них были распущены, на устах их была сладострастная песня и еще более – сладострастная улыбка, которую бросали они прохожим.

Шли там и магнаты, гордо расталкивая толпу, попирая ногами бедность, а перед ними дьяволы несли булавы, жезлы, сенаторские кресла, титулы и ордена их…

Были там дивно подобранные пары, которые вели друг друга за руки, за полы, за что ни попало.

Одного бурмистра еймость[3] вела просто за нос.

Одна пожилая дева несла своего возлюбленного, придавленного в башмаке.

Одна молодая девушка тащила в ад старика за остаток седых волос его.

Других тащили немилосердно черти за ноги, за руки, за нос, за уши…

Любопытным и ни с чем не сравнимым был вид адской дороги, но Твардовский не обратил внимания ни на что; занятый молитвою, он не видал ничего. Наконец остановился он вместе с прочими у ворот ада. Никто не стерег их. Богато убранный швейцар принимал каждого с низким поклоном и перед каждым отворял настежь дверь. Увидев Твардовского с кропильницею в руке, услышав священную песнь, швейцар рассердился и захлопнул дверь. Твардовский покропил ее святою водою; она растворилась, и он вошел.

Едва он вошел, как отовсюду начали доходить до слуха его страшные крики и вопли грешников, которые мучились в аду. Вопли эти заглушили на минуту робкую его песнь, но такова была сила священных слов, что адский шум скоро за-

---

[3] Еймость, Jejmose – ее милость.

тих перед ними; все смолкло, и вот устрашенная толпа черных дьяволов стала перед ним. Твардовский все пел и кропил на все стороны.

– Что тебе надобно, чистая душа? – спросил один. – Зачем ты пришел? – повторили хором другие. И все корчились и отскакивали за каждым движением кропила.

– Ищу и требую записи, данной отцом моим на мою душу, – отвечал им Твардовский, а сам все пел, все кропил и все шел дальше. Черные дьяволы исчезли. Скоро Твардовский пришел в темную и глубокую пещеру… Там заседал сам Люцифер, вождь и глава низверженных ангелов. Черти обступили Твардовского со всех сторон, но никто из них не смел дотронуться до него, потому что он был очищен от греха покаянием, потому что кропил святою водою. После долгих переговоров черти начали входить с ним в сделку, сказали ему сначала, что договор затерялся, и предлагали вместо него деньги, но Твардовский не соглашался… Предлагали потом любую женщину, какой бы он ни пожелал, давали высокие места и должности, но Твардовский оставался непреклонным… Отговаривались всячески, уверяли, что того дьявола, который взял от отца его подпись, не было в аду, что он таскался по свету и что все бумаги хранились у него… На все это Твардовский отвечал молитвою и кропилом и довел наконец чертей до того, что принуждены были послать за своим сотоварищем.

Приведенный через минуту дьявол запирался и клялся

всем на свете, что не думал брать от отца Твардовского никакой записи. Твардовский снова принялся за кропило, снова черти обещали ему отдать договор; принесли наконец огромный сундук и велели Твардовскому самому искать в нем договор. Испугался Твардовский, увидев такое множество бумаг и в таком страшном беспорядке. Это был настоящий сатанинский архив. Тут были бумаги на всех языках, рукописи всех наций и всех веков… Вспомнил тут Твардовский о святом покровителе потерянных вещей, святом Антонии, помолился ему и отыскал договор. Волей или неволей, а надобно было чертям отдать его Твардовскому. Отдали наконец. Подскочил тогда к нему тот самый дьявол, который искусил отца его, и поклялся ему, что возьмет его душу и без отцовского договора. Твардовский не слышал его слов и пел.

Труднейшим был для Твардовского выход из ада. Ворота закрывались перед ним; исчезала дорога; обваливалась земля под ногами; стены тряслись; ужасные чудовища нападали на него; искушали его дорогие яства и женщины. Знакомые протягивали к нему руки, заговаривали с ним: его окружала богатая шляхта. Но Твардовский крепился, молился еще усерднее… Во всех этих страшных призраках видел он одно искушение; а из-за стен слабо долетали до его слуха вопли страдальцев!.. Наконец удалось ему попасть на дорогу и найти выход из ада. В воротах прищемило ему ногу, и вот отчего прихрамывал он всю жизнь. Выйдя из ада, Твардовский пал на колени и благодарил Бога за свое избавление.

Теперь уже, на этой дороге, прежде так многолюдной, он не видал никого… Крепко держал он договор свой и шел без оглядки. Опять явилась перед ним мышь и провела его к самому дому, в Прошовицах. Упал Твардовский без чувств от изнеможения на пороге отцовского дома. После уже, придя в себя, рассказал он отцу все свои похождения и отдал договор. Обрадованный отец тотчас же сжег его на освященном огне, для того чтоб дьявол не мог взять его и из пепла.

Успокоился тогда на старости лет своих отец Твардовского. Скоро отправил он сына в краковскую школу. Недолго жил бедный старик… В одно утро пришел в школу парубок к сыну с горьким известием о смерти доброго старика.

Искренно оплакивал его молодой Твардовский… Неутешный в потере отца, он старался искать для себя утешения в науках, – и остался в школе, ректор которой особенно любил его за прилежание и необыкновенные способности.

V. О том, каким образом Твардовский сделался славным ученым

Недаром поклялся сатана погубить Твардовского. С того времени не отступал он от него ни на шаг, следил за ним каждую минуту, искал в нем самого неприметного отверстия, куда бы мог пустить тлетворное свое дыхание. Но душа Твардовского была чиста, как душа младенца. Посвятив себя науке, которую избрал путеводною звездою в жизни, Твардовский не видел света, не прельщался его приманками, не знал искушения, ни греха. Час его еще не настал; в жизни каждого человека, даже и самого разумного из людей, всегда есть одна минута – минута обаяния, минута безумия, с которой начинается в жизни перелом, ведущий к блаженству или к гибели, – минута, которую ни предвидеть, ни подстеречь невозможно. Твардовский погрузился в науку. Понял тогда искуситель, что только одним этим путем может привлечь к себе Твардовского, может погубить его, – и он схватился за эту адскую мысль с ожесточением падшего ангела. Он ждал только той минуты, когда Твардовский, исчерпав все источники знания, дойдет до границы невозможного, – до той границы, которую не переступят земные учители, мудрецы света. Минута эта настала. Все законы науки были постигнуты Твардовским. Он проникал в самые сокровенные тайники ее, разрешал самые запутанные ее вопросы и скоро превзошел всех

известных тогда мудрецов и ученых. Такие успехи не могли не возбудить зависти. Все дивились неимоверным успехам юноши; одни превозносили его до небес, другие злословили; недоучившиеся ставили его в пример педантам; ученые, говоря о нем, значительно качали головой. Скоро не было уже ни одной отрасли науки, в которой бы он не сравнился с первыми ее авторитетами. Ему стоило только приняться за какой-нибудь предмет для того, чтоб узнать его основательно. Дар разумения служил ему так верно, что, учась, он мог уже поправлять те книги, по которым учился; по началу науки он уже отгадывал ее конец, а отгадавши, предсказывал и все дальнейшие усовершенствования, какими должны были обогатить ее грядущие века…

Так текло для него время. Твардовский, являясь попеременно то теологом, то математиком, философом, физиком, врачом, – соединял глубокое совершенство в каждой из этих наук, которые так редко встречаются в одном человеке, – а он был еще молод!.. При всем том он не походил на тех мудрецов, которые, узнав начала науки, воображают уже себя непогрешимыми. Чем более узнавал он, тем более был уверен в ничтожестве своего знания: наука представлялась ему неисчерпаемою рудою. Достигнув в ней тогдашних столпов Геркулесовых, он чувствовал все свое несовершенство, – видел, что многое еще оставалось закрытым для человеческого ума, которому суждено было открывать эти сокровища веками и понемногу; он предвидел, что людям, с их му-

равьиным трудолюбием, суждено вечно разрушать огромное здание науки и снова воздвигать разрушенное. Этот пророческий дух Твардовского был противоположен духу тогдашнего времени. И в самом деле, много ли ученых мужей того времени, стоявших во главе науки и мысли, чувствовали, как низко стоят они!.. Твардовский, почти ребенок, который только что ознакомился с наукою, – этот ребенок своей деревянной саблей парировал все удары тяжелых железных мечей тогдашних мудрецов!.. Любимым его занятием было опровержение принятых в то время правил. С особенным наслаждением осмеивал он все нелепости ученого мира, всю безумную гордость тогдашних аристархов науки. Все эти опровержения, все доказательства подкреплял он изречением мудрого Соломона: vanitas vanitatum…

За всем тем, достигая своей цели, убеждая неразумных или рассуждая о науке, он не обнаруживал радости школьника, которому удалось поставить на своем; скорее в нем видели грусть и печаль старца, которому неожиданное препятствие вдруг заслонило дорогу… При всей своей страсти опровергать ложные мнения, которые тогдашние ученые принимали за истины, при всем желании вразумлять и останавливать детские порывы ученых, Твардовский старался находить истину там, где никто не думал найти ее – в ученом мусоре, в тех грязных ямах, в которые привыкли сливать одни помои рассудка и мысли. Осмеивая все тогдашние системы, все систематические разделения науки, он в то

же время как бы невольно указывал к ней настоящий путь и средства достигнуть его. Эта огромная разница его мнений с мнениями всех ученых того времени, эта дерзость ученика в виду важных, глубокомысленных учителей, не была никем понята, никем оценена по достоинству. Зависть замышляла свои ковы в тиши. На все это рассчитывал дьявол; он хотел сначала посеять в разочарованной душе Твардовского зерно неудовольствия и потом уже влить в нее каплю отчаяния, – отравить ее, возмутить целую жизнь. Он знал, что страсти сменяются отчаянием, а отчаяние есть самый верный путь к преступлению…

Переходя все степени науки, Твардовский скоро достиг звания доктора и профессора. Его способ учения скорее походил на игрушку, которую дают детям для забавы. Чем более открывал он ученикам истин в науке, тем более возбуждал в них алчность к ним; научая, он как бы дразнил их. Не утоляя их голода, он рассыпал перед ними тысячи прихотливых яств науки, и они невольно становились алчными. Такой учитель не мог не возбудить опасений. Видел все это искуситель и тешился заранее; он знал, что душа Твардовского рано или поздно, а будет принадлежать ему… До сих пор он еще не был уверен в успехе, – он только опутывал Твардовского сетью, но теперь, когда наука готова была вытеснить в душе его веру, – теперь ему нечего было сомневаться в успехе. В душе Твардовского уже не было прежней младенческой доверчивости, прежней веры. Его путешествие в

ад представлялось ему теперь, как сон, в действительность которого верил он с каждым днем менее, слабее. Отважные, дерзкие мысли роились в уме его, и он гордо поднимал голову, он дивился, откуда они могли родиться в нем, хотя давно уже тревожно предчувствовал их в самом себе.

А между тем искуситель спаивал в нем эти мысли невидимым звеном, одни с другими, так постепенно, так искусно и натурально, как не спаял бы золотой цепи самый ловкий венецианский ювелир. Между тем слава о Твардовском распространялась с каждым днем более и более. Со всех сторон стекались к нему знаменитейшие теологи, философы, астрологи и лекари – одни из желания насладиться его беседою, другие из простого любопытства взглянуть на него, как на диво. Они вызывали Твардовского на диспуты и ученые споры, из которых он всегда выходил победителем. И вот, приобретя славу, возбудив в людях зависть, Твардовский вдруг увидел себя одиноким. Для толпы казался он слишком необыкновенным человеком, для ученых – слишком опасным… Его оставили все родные, друзья и знакомые; он стал одиноким на свете. Отныне наука заступит ему место друзей, заменит ему целый свет, и теперь-то он схватился за нее еще сильнее, еще глубже запустил в нее когти всеобъемлющего ума, – теперь, когда ему не к чему привязаться на свете, когда свет удаляется от него с каждым часом, с каждой минутой, более и более…

Отцовский домик опустел, чужие люди хозяйничали в

нем. Какая до того нужда Твардовскому!.. Для жизни ему надобно так немного. Наука – одна из самых дешевых страстей, и, верно, все бедные были бы сыты, если б продали науке и душу, и тело. Так текли юные годы Твардовского, текли без обаяния чувств, без сладостных воспоминаний – этих благовоний, которых редкая увядшая юность не оставляет по себе. Одинокий среди живых, он беседовал только с миром усопших, с книгами, которых источники вычерпывал ежечасно. Он нашел в них одни скучные повторения старого, набор выражений без мыслей и принужден был насыщаться собственными мыслями; он жег, палил сам себя, для того чтоб не дать потухнуть огню своей умственной жизни. Он скоро почувствовал в себе какую-то жажду, какое-то желание, которого не мог объяснить себе, которое терзало и мучило его беспрестанно… Радовался в эту минуту искуситель его; он стоял настороже и готов был схватить его душу.

Напрасно, томимый жаждою знания, обращал вокруг себя взоры Твардовский, напрасно, подобно умирающему, который требует себе помощи, требовал Твардовский пищи для своей изнеможенной души, напрасно хватался за все: он находил везде только остов, только кости – и нигде материи, нигде пищи!.. И вот дождался поры сатана – предстал он Твардовскому в образе ученого доктора.

VI. О диспуте Твардовского с сатаною

Давно уже стояла глухая ночь, а Твардовский все еще сидел на своем чердаке над грудою старых запыленных фолиантов. Глаза его блуждали по ним с выражением отчаяния. Бледные лучи месяца, проходя через узенькое окошечко, освещали комнату. Везде в беспорядке разбросаны были книги, инструменты и все принадлежности ученого человека того времени – мумия, чучела крокодила и разных дивных животных, редкие произведения природы, уроды в спирте. Все это, поставленное, разбросанное в беспорядке, как будто свидетельствовало о тревожном расположении духа хозяина, как будто носило на себе отпечаток его мыслей, смешанных, беспорядочных. Казалось, он бросил все это; все это было им узнано, постигнуто; теперь он не нуждается ни в чем этом – и между тем сам не знает, за что приняться, что делать. Это была одна из тех минут, когда он всего более чувствовал необходимость умственной пищи, всего более ощущал ту жажду, которую тщетно силился утолить… Такую-то минуту выбрал сатана, и – надо признаться, – выбрал удачно.

Дьявол был догадлив: он не явился Твардовскому в том страшном виде, в каком изображают его, а принял на себя образ ученого, доктора… Он вошел на цыпочках. Услышав шелест, Твардовский медленно поднял голову и обернулся…

Перед ним стоял мужчина средних лет, с серьезным задумчивым лицом, приличным ученому. На нем был длинный кафтан темного цвета, похожий на сутану[4], и высокая меховая шапка; на шее висела цепь. Одною рукою он опирался на длинную трость, в другой держал свиток пергамента. Коротенькая бородка торчала у него острым клином, черные глаза искрились; орлиный нос с разодранною ноздрею, казалось, выпускал пар; стиснутые губы выражали насмешку. Иероглифы морщин исчертили его круглый лоб и голову лысую, как ладонь, и к которой, словно в насмешку, приставлены были уши, не короче ослиных. Он вонзил в Твардовского черные глаза змеи, которыми она смотрит на бедную птичку, привлеченную их обаянием…

Твардовский не ошибся, приняв дьявола за ученого. Вид ученого не мог быть для него приятен; он знал, что дело пойдет о решении какого-нибудь пустого вопроса или о каком-нибудь ложном мнении. Подобные визиты были так часты, что не могли не надоесть ему. Твардовский хотел было отказать гостю, но хитрый дьявол умел ловко отклонить отказ – искусно коснулся его самолюбия (он знал, что это самая слабая сторона ученых людей), начал превозносить его ученость, поджигать его тщеславие, – и не ошибся, потому что скоро на мрачном лице мудреца появилась улыбка самодовольства и скука исчезла, – скука, которая, как уверял дьявол, несовместна с великим знанием ученого.

---

[4] Сутана – длиннополый кафтан, который носят в Польше священники.

И тут Твардовский, развалившись в кресле, опустив руки в карманы, начал перечислять незнакомцу все свои мучения, все страдания, обрадованный, что нашел наконец человека, который может понимать его, сочувствовать ему. В голосе, во взгляде, в речи дьявола Твардовский увидел приметы, отличающие необыкновенный ум и высшее направление, и не мог не довериться ему, не вылить перед ним всю душу.

– Ты спрашиваешь меня, почему я так скучен, – сказал Твардовский, – а я спрошу тебя, как можно быть здесь веселым?.. Людям только – этой глупой толпе, этому стаду зверей, – разве им только веселиться здесь… Да, стаду… потому что они немногим превосходят зверей, они, у которых душа – первый невольник тела! Но нам, которые смотрят выше их, нам хочется не того, нам нет времени думать о пустяках. Мы лезем на небо, как титаны, громоздим гору на гору для того только, чтоб упасть с этих шатких подмостков еще ниже – в грязь!.. Ужасно!.. Спрашиваешь, отчего я так скучен? Несмотря на всю мою славу, о которой ты говоришь мне, я не чувствую себя достойным имени мудреца. Я многого не понимаю, мало могу сделать и так много желаю!.. В деле науки нельзя ограничить своих желаний, нельзя, подобно циникам, довольствоваться в ней одной водой и хлебом! О, как упоительна эта жажда, как роскошно это желание – иметь больше, нежели сколько может дать свет!.. Несчастлив тот, стократ несчастлив, кто остановится на том, что дал ему свет!..

При этих словах лицо сатаны оживилось невольною улыб-

кою… Начало беседы показало ему, что Твардовский стоял уже на той дороге, куда так добивался он навести его сам.

– Жажда науки, – отвечал он, – палит и жжет тебя, благородный муж. Такая же жажда терзала не одного из мудрецов греческих – этих светильников древнего мира… Припомни слова Аристотеля в последнюю минуту его жизни: «Поглотите меня, если я не в силах поглотить вас!» – сказал он, бросаясь в пучину Морица. То было отчаяние человека, томимого жаждой знания, и – признаться ли? – отчаяние безрассудное… Но прежде лучше испытать, попробовать; не лучше ли до последней минуты жизни искать для ума пищи и света… Ведь наша жизнь так коротка.

– Света!.. Пищи!.. – вскричал Твардовский. – Но где же искать их? В книгах?.. Я читал, что только можно было прочесть, испытал все, что только можно было испытать, что только могла объять мысль человека. И вот я перебрал все, истощил все, узнал все, а как многое осталось для меня еще загадкою!.. И как же я должен презирать себя, когда даже не могу постигнуть того, что окружает меня!..

– Можно еще попытаться, если ты многого не понял в свете. На это есть еще средства… – возразил дьявол.

– Средства?.. – отвечал Твардовский. – Оставляю их в наследие скотам и невеждам.

– Ты забыл, что прямое наследие мудреца – терпение и опыт… На то создан наш свет, и если мы не можем понять его, то должны пытать, как инквизиторы… Заметь, что когда

одни пытаются разгадать его, то в то же время другие пользуются плодом труда их и выигрывают против них вдвое более…

– И неужели до сих пор стоял я на ложном пути? – вскричал Твардовский, ударив себя по лбу. – Я, который чувствую в себе необузданную страсть к науке, я, который, как Архимед, ищу рычага, на котором бы мысль моя могла опереться и приподнять целый свет; неужели все попытки мои, все мое знание были напрасными, смешными!.. Ужели этот внутренний жар, этот огонь, который жжет и палит меня, – ужели все это должен я считать мечтою, призраком?..

Дьявол не хотел подтверждать слов Твардовского. Он не хотел рассердить его и видел ясно, что еще не пришло время представить ему науку в настоящем виде. Твардовский не хотел узнать этой истины вовремя, а теперь, когда подобный труд стал ему не по силам, он бросался за нею со всем отчаянием скованного узника.

– Нет, не говори так, – отвечал сатана. – Уверен ли ты, что перешел уже все границы науки и мысли?..

Твардовский гордо улыбнулся и замолчал.

– Попробуем свои силы, посмотрим, кто из нас выйдет из борьбы победителем, – смело сказал Твардовский сатане.

– Попробуем, – отвечал тот.

– Ночь светлая; на небе месяц. Пойдем за город.

– Пойдем!

Оба встали и вышли…

VII. О Матюше-сиротке

Никто в целом Кракове не знал о диспуте Твардовского с дьяволом; никто их не мог подслушать, а отгадать и подавно. Спор длился целую ночь, и к утру сатана вышел победителем. Твардовский был так изумлен познаниями и ученостью дьявола, что даже сказал, когда они возвращались домой:

– Откуда в тебе столько знания? Где ты учился?

– Эту премудрость дал мне дьявол взамен души, которую я ему продал, – отвечал тот. – Ты видел доказательства и потому не усомнишься в справедливости моих слов.

Сказав это, незнакомец кивнул Твардовскому головою, в знак прощания, и скрылся в одной из боковых улиц…

Следствия были предусмотрены дьяволом: Твардовскому теперь был известен источник мудрости и познаний; он только и думал об этом. Иными средствами дьявол никак бы не достигнул своей цели. Он исчез для того, чтоб дать время посеянному им зерну вырасти и подняться. Успех оправдал его ожидания.

С той поры мысль, что один дьявол может дать ему сверхъестественную мудрость, не могла выйти и из головы Твардовского, жаждавшего знаний и славы. Она прильнула к его сердцу и грызла его, как змея. С каждым днем убеждался он в необходимости ужасного дела; он свыкся наконец с этой мыслью и решился продать свою душу дьяволу. За всем тем

ему было жаль бессмертной души своей. Он припоминал себе, словно сквозь туман, как дорого обошлось ему искупление отцовского договора, каким опасностям подвергался он в аду, – тут овладевала им нерешимость; мысль о том, что он должен наконец признать над собой превосходство дьявола, страшно терзала его самолюбие.

Все стали находить в нем большие перемены… Он уже не ценил так, как прежде, своей учености, – он презирал себя; наружность его отпечатывала на себе всю внутреннюю борьбу, всю грусть, которая грызла и точила его. Прежде он с презрением бросал магические и волшебные книги, – теперь искал их везде с жадностью, углублялся в них, черпал из них все, что могло бы сблизить его с дьяволом, что могло бы показать к нему дорогу. При всем его желании он еще не был вполне уверен, можно ли ценою души и вечности купить мудрость; он все еще опасался найти в ней один призрак, зловредный настой, который, не утолив жажды, только усилит ее… В эти минуты борения с самим собою он часто с горестью вспоминал свои молодые годы, когда в душе его еще были надежда и вера, – он вспоминал школьную скамью свою, где прошло столько сладких часов в науке религии, которую так жадно изучали и ум, и сердце его; вспоминал и мраморный помост костела Девы Марии, на котором молился он и пел священные песни; вспоминал и те минуты религиозного вдохновения, когда сам он слагал песни, которые пелись в целом Кракове… Теперь эти песни уже не от-

зывались более в его сердце, не возбуждали в нем того чувства, которое породило их. Теперь он смотрел на них, как на детскую забаву, глазами холодного мудреца, который уже распростился навсегда с верою, – мудреца с угасшим вдохновением, с увядшими надеждами… Но, сравнивая настоящее свое положение с прошедшею юностью, он горько жалел о ней. Поздно! Невозможно вернуться к ней. Этого счастия было бы слишком недостаточно Для настоящего его возраста, как молока материнского. В жизни, как и в путешествии, никто назад не возвращается – разве только в мыслях. И жаль дома и жаль молодых лет; а все спешим далее, все идем вперед!..

Любимым местом прогулок Твардовского было дикое урочище за Вислою, на Подгорье, в Присеменцах. Там проводил он целые дни, а нередко и целые ночи; туда следовали за ним ревнивые к науке ученики его, там, под открытым небом, хлестал он их бичом своего неверия. Открывая черную бездонную пропасть науки, зиявшую под ногами смельчака, который хотел сойти в нее, Твардовский скорее охлаждал его рвение, нежели возбуждал его. Дикое и печальное место, где он беседовал с учениками своими, согласовалось с его мыслями… До сих пор народ зовет это место «кафедрой Твардовского».

Обязанности учителя скоро опротивели Твардовскому, и он оставил их. В нем было еще столько совести, что он не захотел преподавать другим зараженную его безверием нау-

ку. Весьма немногие из его учеников ходили к нему, из любопытства или из привязанности, но и те оставили его, когда увидели, что не могут извлечь из учения надлежащей пользы. Только один из них остался с ним. То был бедный сирота, которого Твардовский нашел однажды на костельном погосте на руках умирающей матери и из сострадания взял к себе. Ребенок рос на глазах Твардовского и привязался к нему, как к отцу. Он не оставлял его нигде, следовал за ним повсюду, даже в уединенных прогулках, и стерег дом его.

Его звали Матюшей-сироткой. Маленький, бледный, худой, он посвятил всю жизнь свою тому, кому был обязан ей. Служить ему было единственною мыслью Матюши; он жил только Твардовским, – без него он не понимал своей жизни. В целом свете не было никого, о ком бы он мог думать. Только одного Твардовского любил он в целом свете. Привязанность эта превратилась, наконец, в страсть, – дошла до самоотвержения, до какого-то самозабвения, как в животном. Матюша-сиротка, казалось, воплотился в Твардовского, прирос к нему, думал только о нем, наяву и во сне, – жил им. Жизнь его была как будто придатком к чужой жизни – к жизни Твардовского. Такая дивная привязанность обратила на себя общее внимание. Народ смеялся над Матюшей, называл его юродивым и полагал, что Твардовский только посредством чар мог так привязать его к себе.

Матюша ничему не учился, даже не знал, существуют ли на свете науки. Вся премудрость мира заключалась для него

в священных песнях, а ксендзов, которые пели их в костелах, считал он первыми мудрецами света. Твардовский казался ему существом столь необыкновенным, что при одной мысли о его мудрости у него кружилась голова. Матюше никогда не приходило в голову следить за поступками Твардовского, – это было бы сверх сил его; он служил ему верно, был послушен и предан. Если случалось ему быть больным, он старался скрывать болезнь свою; если был голоден, то скорее бы согласился украсть кусок хлеба, нежели просить о нем Твардовского; если платье его распадалось от ветхости, он клал на него заплаты до тех пор, пока не удавалось ему добыть где-нибудь другого, более прочного рубища. Так жил Матюша, всегда спокойный и счастливый.

Твардовский, казалось, не обращал внимания на редкую привязанность к себе бедного сироты, а если и вспоминал о нем, то разве тогда только, когда бывал недоволен какою-нибудь неисправностью или недосмотром. Тогда он выталкивал его за двери, и Матюша, как верная собака, ложился у порога, готовый явиться на первый зов хозяина… Мысль оставить Твардовского, убежать от него никогда не могла придти ему в голову.

Во время беспрерывных отлучек Твардовского на Кржеменки Матюша не знал, что делать со скуки. Сначала он хотел следить за ним, сопровождать его издали, – но опасение оставить дом без присмотра удерживало его, и он оставался. Часто по целым дням ожидал он возвращения Твардовского

и, мучимый голодом, решался сбегать на рынок, добыть себе каким-нибудь образом кусок хлеба.

– Нет дома пана, пан за Вислою, – было неизменным ответом Матюши каждому из многочисленных учеников Твардовского, которые приходили навещать своего учителя. Но отлучки Твардовского становились все чаще и продолжительнее. Против обыкновения он даже не брал с собою книг и ходил один – один, с черными своими мыслями. Ученики его стали посещать его реже и, наконец, перестали совсем. Один только бедный Матюша сидел у порога дома, бледный, худой, истощенный, голодный и весь в лохмотьях, равнодушный ко всему на свете, даже к насмешкам проходящих, которым он, казалось, отвечал с безумной улыбкой: «Мне и так хорошо!»

VIII. О том, каким образом Твардовский решился продать себя дьяволу и что происходило в его душе

Грустен, задумчив, сидел однажды Твардовский на Кржеменках. Долго бродил он по Подгорью и, утомленный, бросился наконец на траву в любимом своем месте. Солнце давно уже зашло, звезды замелькали на небе, и месяц выходил из-за синего леса. Хотя осенняя ночь и была ясна, но ветер шумел по полям, свистел между деревьями, срывал с них листья, крутил их и рассыпал по полю. То там, то сям поднимал он с дороги песок, заметал им дорогу, гнал его по своей прихоти, куда ему вздумалось. Бурно было на земле, – а на небе чисто, светло, точь-в-точь как в душе Твардовского: в ней было чище, чем прежде, но зато ветер метал и крутил в голове его мысли. Слабо светились там звезды надежды; кровавая луна непреодолимой жажды поднималась на осиротелом небе его надежд и верования.

Твардовский решился вызвать дьявола, видеться с ним в эту же ночь и отдать ему душу свою взамен славы и мудрости; странная мысль побудила его ускорить его желание. Он вспомнил, что уже однажды был он во власти сатаны и что одно чудо помогло ему взять от него отцовский договор. Как игрок, который кладет на стол только что отыгранные им

деньги, клал он опять свою душу, оправдывая себя тем, что был уже однажды в руках дьявола. Таким-то пустым доказательством старался он заглушить свою совесть, заглушить сожаление о бессмертной душе, которую менял он на пустой блеск славы. Он решился вызвать дьявола и ждал только полуночи. С ним были все чернокнижничьи снаряды, с которыми в полночный час должен был он выйти на распутье, на страшное свидание…

Долго не наступала желанная минута; время двигалось медленно, как будто для того, чтоб дать ему более свободы для размышления. Твардовский не слушал голоса совести, которая громко говорила ему… Напрасно теснились в его голове спасительные мысли, напрасно приходило раскаяние, волновал душу страх… Твардовский отгонял от себя этих спасительных посланников совести, но они все-таки против воли его бежали к нему, налегали ему на грудь, на сердце, на голову… С глазами, устремленными в небо, Твардовский нетерпеливо ждал полуночи, но полночь как будто отдалялась, медлила с приходом. Душа Твардовского готова была разорваться от нетерпения, а мысли, одна другой чернее, налетали на него с большою силою, – и он дал им волю, противопоставил напору их всю силу ума, отворил перед собою всю свою душу и говорил сам себе:

– Ничто не совратит меня с этого пути; решился – и исполню во что бы то ни стало! Если в руках дьявола все тайны науки, которые тщетно стараюсь я разгадать здесь на земле,

если в его руках всеведение и если он даст мне их – я отдам ему свою душу, продам ему за них самого себя!

И тут предстало Твардовскому воспоминание его юности: в белой одежде невинности, с зеленым венком на голове, с верою в сердце, с надеждою на челе, с любовью в груди.

– Разве тебе не довольно надежды, любви и веры? – сказало оно ему.

– О, мало мне веры, – отвечал Твардовский призраку, – мало, потому что вера слепа; мало мне надежды, потому что надежда обманчива; мало мне любви, потому что любовь ничего не дает, – не утолит меня ничем. Слабеет во мне надежда и стынет любовь; я должен дать моей жизни иную веру, иную надежду и иную любовь, не доступные толпе, не понятые ею и неразгаданные.

И восстала в душе его ненасытная страсть к славе, – стройная и величавая, в черной одежде, с цепью на груди, с лавром на челе, с морщинами на лице, – встала и сказала ему:

– Доступны и святы все средства к славе. Нет разницы между червем, пресмыкающимся по земле, и человеком, в котором нет ничего такого, чем бы он отделялся от других!..

И вслед за ней восстала из глубины его души религия, с крестом в руках, с очами, полными слез и вознесенными к небу, и, рыдая, обратилась к нему:

– Зачем ты хочешь оставить меня и продать себя сатане за пустую славу?.. Разве я не служила тебе верно? Разве не услаждала я тебе труда и работы, которые совершал ты в по-

те лица твоего? Разве не открывала я тебе тайн света и жизни, указывая справедливость и мудрость Творца?.. И чего же тебе надобно более, кроме утех на земле и надежды будущей жизни, которые я рассыпала тебе щедрою рукою?.. Зачем ты покидаешь меня и бросаешься в бурное море ненасытных страстей? Ужели забыл ты, что блаженны одни нищие духом, и у тех есть Царствие Небесное; а Царство Небесное есть высшая мудрость?.. Ужели забыл ты, что там, на небе, откроются тебе все тайны, что там узнаешь ты все ничтожество мудрости человека?.. И за эту-то мудрость решаешься ты отдать свою бессмертную душу!..

Но тихий голос религии скоро заглушил голос славы; с пылающими глазами, с распростертою дланью, – ей, казалось, хотелось захватить целый свет.

– Жажду, жажду! – вопила она. – Напоите меня хоть желчью! Не отнимайте от уст моих чаши горечи. Жажду…

Тогда предстала невинная, чистая и скромная добродетель и говорила с плачем:

– Отталкиваешь меня от себя, Твардовский?.. Что я сделала тебе? Разве уверенность, что я всегда была с тобою, не услаждала тебе каждого шага на тернистом пути твоем, не отирала тебе пота с чела, слез из очей?.. Разве, как верная жена, не покоила я твоей жизни чистой совестью? За что ж ты хочешь менять меня?

И, говоря так, плакала и закрывала лицо руками. А слава и страсть всеведения отвечали ей:

– Жажду! Жажду!.. Пить мне, пить!.. Желчи, крови, чего-нибудь, только пить, пить!.. Что-нибудь, лишь бы нового, лишь бы без меры!.. Пить! Пить!..

Умолкла и скрылась добродетель.

И когда все эти призраки исчезли, показались на небе две белые тени; они летели на темных осенних облачках и спустились на землю: узнал в них Твардовский тени своих отца и матери. На головах их сияли звезды, в руках держали они пальму, как праведные, как святые мученики. Дивною гармонией зазвучали слова их:

– О, сын наш!.. Зачем тебе науки так много?.. Мы меньше твоего знали, а достало нам ее на две жизни и на целую вечность… Ищешь счастья, сын наш? Найдешь его не в науке, а в мире, в любви, в отречении самого себя. Ищешь славы? Найдешь ее не в мудрости, а в геройском самоотвержении. Ищешь наслаждений? Найдешь их в сочетании двух душ и сердец. Наука – это пропасть, которую не поглотить человеку, которая сама поглотит его и раздавит, как ничтожного червя. Познание зла и добра погубило первых двух человек и погубит всякого, кто в безумной гордости осмелится равняться с Богом, объять свет ничтожным своим умишком, в котором и малейшая частица его отразиться не может!.. Зачем тебе науки и мудрость, сын наш?.. Станешь проклинать их после, когда они потемнят и отравят твою жизнь! О, сын наш! Зачем ты сворачиваешь со своего пути, зачем идешь в ад, откуда вывели тебя однажды милосердие и помощь Бо-

жия? О, вернись, вернись, сын наш!

И плакали тени, и слезы их капали на томимую жаждою душу Твардовского, но не могли напоить ее, потому что жажда славы и мудрости кричали без устали:

– Жаждем! Жаждем! Не отвратим уст от желчи, лишь бы напиться чего-нибудь! Пить, пить!..

В эту минуту Твардовский взглянул на звезды. По течению их он увидел, что полночь уже близка. Встал и пошел на распутье, где уже сторожил его дьявол.

На распутье стоял крест. Старый, гнилой, он оброс мхом и едва держался. На нем скрипел и вертелся маленький флюгерок; ветер развевал куски полотна, которые привязали к кресту набожные крестьяне. У подножия лежали кости, сухой хворост и до половины вросший в землю камень. Не успел еще Твардовский придти туда, как небо, до сих пор ясное и звездное, начало хмуриться и заволоклось тучами. С севера подул ветер и понес с собою листья, хворост и пыль. Твардовский оглянулся… От креста дорога делилась и шла на четыре стороны. К северу шла дорога утех, широкая и удобная; к югу шла в гору дорога труда, зноя и терпения; к востоку – дорога надежды; к западу – дорога отчаяния и горести. Дороги казались широкими и торными; ветер взвивал и нес по ним клубы песку и кучи листьев, которые вертелись и прыгали в воздухе, как плясуньи на ярмарке; над дорогой утех и наслаждений летела стая голубей, над дорогой труда взвился сокол; над дорогой надежды тянулись длинной вереницей

дикие гуси, а на западе кричали совы, вороны и филины.

Твардовский снял платье и надел его опять, выворотив наизнанку. Потом вынул из кармана освященный мел, свечку из человечьего жира, кубок с водою, кропило, книгу и несколько человеческих костей. Волшебную палочку свою (черную, с какими-то белыми знаками) воткнул в землю, мелом обвел вокруг себя магическую черту. Крест служил центром круга. Он зажег свечку, разбросал кости, покропил вокруг водою и начал заклинать сатану. Слова заклятия были из всех языков взяты, живых и мертвых; ветер разносил их на все четыре стороны.

– Явись, черный дух! – взывал Твардовский. – Тебя ожидает человек, который хочет продать тебе свою душу! Явись и принеси с собой все твое могущество. Не за золото продает он себя тебе, не за утехи и наслаждения света, а за славу и мудрость! Возьми его душу и дай ему древо познания! Явись, предстань предо мною, черный дух! Заклинаю тебя именем царя твоего, который упал с неба в преисподнюю ада! Заклинаю тебя именем твоего унижения, мук твоих и твоей покорности воле Бога, – предстань предо мною и прими от меня дарованную мне Творцом душу! Заклинаю тебя именем всех духов тьмы, низверженных с неба в победный день воскресения. Спеши ко мне из глубины ада сквозь адское пламя, сквозь души всех осужденных! Заклинаю тебя именем того, за кого терпел ты и терпишь теперь именем вечных мук, на которые осужден ты! Зову тебя раз, зову дру-

гой, зову тебя три краты и семь крат и семьдесят семь крат! Зову тебя!.. Явись!..

Не успел еще Твардовский договорить последних слов, как перед ним предстал какой-то дивный образ, освещенный красноватым светом. Всмотревшись пристальнее, Твардовский узнал в нем ученого, с которым недавно шел спор… Насмешливый хрипловатый голос его на этот раз страшно отозвался в ушах Твардовского.

– Желал бы я знать, зачем ты, собираясь продать свою душу дьяволу, взял с собою освященный мел и святую воду?.. – начал этот знакомый голос.

– Не хочу, чтоб ты взял меня даром, как дитя; я знаю, с кем имею дело, – отвечал Твардовский. – Ты посланник ада?..

– Я!.. Говори, чего ты от меня требуешь?

– Чего требую?.. Я требую, чтоб ты показал мне древо познания; чтоб ты разрешил мне вкушать плоды его, чтобы сделал меня мудрейшим из всех мудрецов и сильнейшим из всех сильных земли; я хочу знать мир совершенно, хочу знать все тайны его, прошлое и будущее, силы вещей и силу существа, хочу быть мудрейшим из мудрых, сильнейшим из сильных, величайшим из великих!..

– Многого требуешь! – отозвался сатана. – А что дашь за все это?

– Бессмертную душу мою.

– Душу? – возразил смеясь сатана. – Да, уверен ли ты, что она стоит всего того, что ты высчитывал мне? Уверен ли ты,

что она и теперь уже заранее не принадлежит сатане, что она не на той дороге, на которой была еще в приходе на свет?

– Я знаю только то и уверен в том, что все сделанные мною грехи окупит покаяние; уверен, что не стою на безвозвратном пути к аду; уверен, что мудрость стоит того, о чем прошу теперь, – потому что она увлечет вслед за собою множество учеников, последователей и глупых подражателей; что эта мудрость увлечет всех – одних доказательствами, других примером, иных любопытством ослепленным!

Сатана рассмеялся.

– Пиши договор на свою душу! – продолжал он.

– Не торопись, – отвечал Твардовский. – Покажи мне наперед то, что можешь дать мне за мою душу, которую продаю, а не дарю тебе.

– Я доказал тебе при первом нашем свидании силу моего ума, чего ж тебе более?

– Этого мне мало. Докажи мне власть и силу этого ума на земле.

– Каким образом?

– Предлагаю тебе три испытания: во-первых, снеси мне все серебро, сколько его ни есть в целой Польше, в Олькушские рудники. Давно уже засыпало их, и они не дают серебра. Этою карою Бог наказал олькушского магистра за святотатство. Пусть лежит там все серебро для меня одного, чтоб один я мог распоряжаться им.

– Ты этим разоришь целый край, – возразил дьявол.

– Мне так хочется, и пусть будет по-моему.

– Второе испытание? – спросил смеясь сатана. – О, я вижу, с тобой не так-то легко устроить дело, предвижу, что с твоей душой будет мне немало работы.

Твардовский самодовольно улыбнулся.

– Во-вторых, – продолжал он, – в эту ночь выкопай мне пруд под Книшином и сдвинь огромный камень, который лежит под Червеньском. Наконец, в-третьих, поставь мне Соколью скалу под Краковом так, чтоб верхушкой своей она упиралась в землю. Все это ты должен сделать в эту же ночь, без всякой помощи и в моем присутствии… Этим только можешь уверить меня в своей власти и силе, и тогда я уже заключу с тобой уговор на душу.

– Так все это только проба?.. Ну, хитер же ты, Твардовский! А если после этой пробы ты откажешься и не продашь свою душу?.. За что же мне трудиться даром и понапрасну ворочать светом, а?.. Молчишь?..

– Это мое непременное условие, – продолжал Твардовский. – Говори скорее: да или нет?..

Дьявол задумался и долго почесывал копытом затылок. Он долго ворчал себе под нос, как будто что-то рассчитывал и наконец сказал Твардовскому:

– Ну, нечего делать! Принимаю условия, как ни тяжелы они. Пиши договор… Пусть будет по-твоему!

– Не стану писать, покамест не докажешь мне своей силы.

– Ты торгуешься?..

– Да, я продаю самую драгоценную для меня вещь – душу… Я должен торговаться, потому что это последний торг в моей жизни. Не отдам тебе за бесценок своего бессмертия. Делай, дьявол, как хочешь.

– Выходи из круга, и следуй за мной, – сказал дьявол. Тогда Твардовский, окропив себя святой водою, взял книгу, перекрестился и вышел из круга. Дьявол заскрежетал зубами, видя, что ему не удалась его хитрость и что при таком оружии трудно овладеть Твардовским. На распутье налетел на них песчаный смерч, они сели на него и понеслись, как стрела. Долго носились они по горам и долам и стали наконец в Олькуше. Дьявол исчез.

У спуска в шахту Твардовский ждал дьявола. Через минуту показалась стая чудовищ, которые несли на своих плечах огромные куски руды. Постепенно, один за другим подходили они к отверстию, бросали туда серебро, уходили и снова возвращались с такою же ношею. Наконец последним показался сам дьявол. В когтях своих он нес маленький кусочек руды.

– Это остаток, – сказал он, бросая его.

– Чем же ты мне это докажешь? – спросил Твардовский.

– А чем же ты докажешь мне противное? – возразил хитрый дьявол.

Надо было согласиться Твардовскому, хотя он и не был уверен, все ли серебро снес дьявол и в самом ли деле была руда серебряная. Раздосадованный сатана между тем накло-

нился к отверстию и плюнул туда, как будто не нарочно. С той поры копи залиты водою.

Твардовский с дьяволом из Олькуша полетели в Кнышин. Тут Твардовский показал дьяволу урочище Чеховщизну, где надо было вырыть пруд. Дьявол стал посередине и начал так усердно рвать землю копытами и когтями, выбрасывать ее целыми глыбами, что скоро выкопал огромный пруд, потом плюнул, и вода наполнила пруд до самых краев.

– Сделал я тебе и другое дело… Поспешим к третьему, покамест не запели петухи.

И они снова сели на песчаный смерч, полетели на нем и скоро очутились под Червеньском. Тут Твардовский показал дьяволу огромный камень, покрытый мхом и плесенью, вросший в землю, и велел ему перебросить его за версту, через лес и воду – на городские поля.

Дьявол, казалось, был в недоумении; он долго качал головою, принимался за камень то с той, то с другой стороны, вздыхал и натуживался, но все было напрасно; наконец удалось ему покачнуть его. Тогда он обернулся к нему спиною, поднял его к себе на плечи, как мешок муки, натужился, замахнулся, и черная скала с грохотом и свистом взлетела к облакам, мигнула по темному небу, перелетела через лес и там уже грянула о землю.

– Теперь вернемся в Краков для последнего испытания, – сказал дьявол, – хотя, признаться, довольно бы и этих трех.

И вот прилетели под Краков к Сокольей, или Песчаной

скале. Долго посматривал на нее сатана, придумывая, с которой бы стороны взяться за нее, – мерил ее верхушку, обходил кругом – и все не мог ничего придумать. С любопытством посматривал на дьявола Твардовский. Нельзя было без смеха смотреть на эту маленькую черненькую фигурку, которая едва была заметна у огромной скалы и которая бегала кругом ее, чихала и ворчала, посматривая исподлобья на Твардовского.

Но вот, видит Твардовский, что фигурка эта поднимается на копытах, растет все выше и выше, переросла скалу, схватила ее за конец, как палку, перевернула и поставила вверх ногами. Не стала, однако, скала с первого раза: трещала и шаталась то в ту, то в другую сторону, покамест дьявол не притиснул ее к земле.

– Что, каково! – сказал он, поравнявшись с Твардовским.

– Ладно! Пойдем теперь писать договор.

– Пойдем!

И они оба отправились к школе Твардовского, на Крженки.

IX. О том, как написан был договор

Когда они пошли на Кржеменки, Твардовский зажег свечку и вынул из-за пазухи лист пергамента.

– Ты, может быть, думаешь, Твардовский, – сказал ему дьявол, – наши договоры пишутся, как ваши acta et munimenta[6], на ослиной или телячьей коже? Ты, может быть, полагаешь, что купчая на душу может совершиться на этом дрянном лоскутке, достойном разве только одних ваших omnibus et universis praesentibus et futuris[7], на выдел земли монахам? О, ошибаешься; для такого акта есть у меня пергамент, приготовленный в Италии из человеческой кожи, из кожи висельника. Прочнее такого пергамента нет на свете. Его не только выбили и выгладили палками при жизни, да и по смерти славно высушили на виселице… Нетрудно догадаться, что и простые чернила и все ухищренные выдумки миниатюристов будут также здесь некстати. В аду только те договоры принимаются за законные, которые написаны людскою кровью. Кровь служит тут символом, задатком телу так точно, как выраженная мысль задатком душе. Это два конца,

---

[6] Акты и ходатайства *(лат.)*.

[7] Выражение *universis et singulis, praesentibus et futuris* – «всем и каждому в отдельности, настоящим и будущим» – в Средние века было употребительной формой обращения короля к народу в королевских указах (универсалах).

за которые по смерти тащим мы ad infernos[8] душу и тело… Позволь же пустить тебе кровь из среднего пальца; довольно с меня и одной капли. Редакцию акта ты поручишь мне как самому искуснейшему нотариусу.

– Лучше будем разбирать вместе каждый пункт.

– Пусть будет по-твоему! Ну, начнем же. Ты продаешь свой товар; так и говори, что за него просишь! Говори с толком и явственно. Будем брать цену круглым числом; не станем торговаться.

– Не обманешь меня, сатана, твоими претензиями на честность; не торопись, успеем! Прежде всего я требую от тебя, чтоб ты дал мне знание и дьявольскую премудрость во всем, – мудрость вдохновенную, которая бы доставляла мне все без труда, без усилий, по мере надобности.

– Согласен, но только с условием: адская премудрость должна быть всегда готова на услуги аду. Дам тебе ее с тем, чтоб ты употреблял ее не иначе, как во вред людям. Иного употребления не допускаю.

– По крайней мере, ты не должен ограничивать ее действий, и тем самым… – возразил Твардовский.

– Даю, что имею, – отвечал сатана.

– Какая мне польза от твоего подарка, когда ты связываешь им руки?.. Нет, я никогда не соглашусь на такие условия; я хочу быть свободным в действиях.

– Этого мы не в состоянии дать тебе. Твое требование без

---

[8] Ad infernos – «в преисподнюю» *(лат.)*.

смысла, чистая абстракция, ложное понятие, хоть оно и не кажется таким с первого взгляда. В целом свете нет ни одного человека с совершенно свободной волей.

– В таком случае я разрываю с тобой все условия.

– Постой, не торопись… Выслушай меня. Если хочешь, ты можешь делать, что угодно, но я буду наблюдать, чтоб все поступки твои клонились ко вреду людям.

– В таком случае все-таки я должен поступить не так, как бы мне хотелось, следовательно, буду связан.

– Напротив; тебе будет казаться, что ты делаешь все по своей воле…

– А это предчувствие – эта мысль, что все сделано мною с добрым намерением, послужит лишь ко вреду ближнего!

– Нет, ты не будешь этого чувствовать в первую минуту…

– Но ты делаешь меня виновным уже тем одним, что говоришь мне об этом теперь. Как же ты хочешь иметь со мной дело без всякого пожертвования с твоей стороны? Ведь ты нуждаешься во мне, а не я в тебе. Кто-нибудь из нас двоих попадет впросак, – заметил Твардовский после минутного молчания.

– Согласен ли? – спросил дьявол.

– Согласен, – отвечал Твардовский.

И оба улыбнулись. Таким образом, первое условие было установлено.

– Во-вторых, – продолжал Твардовский, – дашь мне славу… да, славу, потому что слава равносильна на этом свете

с могуществом. Человек, поступкам которого предшествует слава, черпает новые силы в самом себе. Слава – это его патент, аттестат, уверенность, что все действия его будут приняты. Слава привяжет ко мне толпу и сделает меня властелином ее. Славу ищут все для насыщения тщеславия, гордости. Она – громкое имя обманчивого призрака, она – другие действия, сила, бразды правления над умами. О, слава великая – дивная вещь!..

– Дам тебе славу; делай из нее, что хочешь, – продолжал сатана, – только не забудь, она будет для тебя не более, как бы колыбельною песнью кормилицы для ребенка.

– В-третьих, дашь мне власть творить чудеса, то есть то, что несогласно с законами природы или человеческой мысли, – продолжал Твардовский.

– Требуй этого не от меня, а от дьявольской мудрости… Она тебе даст эту силу. Только не забудь, что во всех вещах, несогласных с законами природы, власть эта есть только призрак власти, иллюзия… Мы не творим чудес, но только морочим людей.

– Мне больше и ненадобно, согласен.

– Ну вот, теперь ты видишь, что я покупщик великодушный и невзыскательный. Теперь выслушай мои условия. Во-первых, ты отдашь мне по смерти (ты можешь прожить до глубокой старости) душу свою и пойдешь в ад вместе со всеми твоими последователями, со всеми, кто уверует в тебя.

– До них мне нет дела, – прервал Твардовский. – Что же

касается до моей собственной души, то я согласен отдать ее, но только после долголетней жизни.

– Это последнее условие не зависит от меня.

– Но ты можешь сократить мою жизнь.

– Не могу, несмотря на все мое желание. Извини меня за откровенность; я не хочу утаивать от тебя ничего. Однако, если ты решился продать нам так дорого свою душу, мы вправе требовать от тебя вместе с нею тела, прежде чем она оставит его… Мы возьмем тебя заживо.

– Заживо? – вскричал с ужасом Твардовский. – Заживо?!.

– Да, заживо, – спокойно отвечал дьявол. – В противном случае, я не согласен… Разве не может случиться, что перед смертью, на смертном одре, вздумалось бы тебе покаяться? – Пришли бы ксендзы, уговорили бы тебя к посту, к молитве… Тогда мы нажили бы с тобой пропасть хлопот. Для собственной безопасности нам надобно взять тебя в предсмертную минуту, живого и здравого…

– Ну, пусть так, – отвечал Твардовский по минутном размышлении. – Но ты должен назначить одно какое-нибудь место, в котором бы ты мог взять меня.

– Зачем?

– Так мне хочется. Препятствие за препятствие. Ты отламываешь у меня кусок хлеба, а я не вправе вознаградить себя за это чем-нибудь?.. Возьмешь меня не иначе как в Риме.

– Вот славно! – вскричал сатана. – В Риме!.. Зачем же непременно в Риме, а не в другом каком городе? Не хочу я

в Риме.

– А я хочу в Риме, непременно в Риме, не иначе как в Риме.

– Невозможно.

– Ну, так и конец разговору.

– Ты смеешься надо мною, Твардовский?

– Скорее не ты ли издеваешься надо мной, сатана?

– Зачем же в Риме?

– Затем, что оттуда хочу идти в ад.

– Не думаешь ли ты, что святость места предохранит тебя?

– Нисколько. Мне просто хочется попасть в ад не прямо из моей родины, не прямо из тех мест, которые для меня дороги, но из отдаленного края, где никто меня не знает, где никто не узнает о моей плачевной судьбе.

– Ну, так для этого тебе довольно будет выйти только за границу. Зачем же непременно в Риме, отчего не в Париже, не в Амстердаме?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.